

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ, ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ И РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

УДК 159.9

ГРНТИ 15.31.35

ФЕНОМЕН «ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ»: ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

© 2021г. В. А. Толочек

** Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; г. Москва
E-mail: tolochekva@mail.ru*

Цель: изучение феномена «жизнеспособность» человека и социальных групп в условиях определенности и неопределенности; **предмет:** социальные и психологические ресурсы жизнеспособности человека и социальных групп; **методы:** историко-теоретический анализ. Обсуждаются материалы изучения проблемы жизнеспособности в зарубежной и отечественной психологии с 1960- годов до настоящего времени. Анализируются особенности исторически складывающихся подходов (пяти «волн»), предмет и типовые задачи исследований жизнеспособности, исследований механизмов и типов адаптации человека к физической и социальной среде. Констатируется, что в границах исторически сформировавшихся парадигм рассматриваются два состояния человека — «нормы» и «ниже нормы» социального, психологического, физического функционирования, характеристики которого описываются такими понятиями, как «улучшение», «позитивная адаптация», «сохранение», «возврат к норме», «оптимальное состояние», «достижение хорошего результата» и т.п.; как правило, жизнеспособность рассматривается как достижение и поддержание человеком своеобразного «социального гомеостаза», ориентируясь на просоциальные модели поведения окружающих, воспроизводя такие модели. Рассматривая «открытые вопросы» проблемы и возможные задачи дальнейших исследований, обсуждаются методология, понятийный аппарат, социальные,

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-29-07409 «Социально-психологические ресурсы жизнеспособности человека в условиях неопределенности»

психологические, биологические механизмы, наблюдаемые эффекты, сопряженные с моментами стабильности и изменчивости, предсказуемости, определенности и неопределенности условий жизнедеятельности человека и социальных групп, резюмируется, что актуальными задачами дальнейших исследований можно назвать изучение генезиса жизнеспособности в более широком временном (от рождения до глубокой старости) и социальном интервале (продвижения по нескольким социальным иерархическим позициям); выход в новые сферы жизнедеятельности (трудовой, прежде всего); обращение к новым объектам (организации, рабочие группы, проектные команды и др.), разработка и коррекция методологии и понятийного аппарата.

Ключевые слова: жизнеспособность, человек, социальные группы, условия, изменения, сохранение, определенности/ неопределенность, условия, ресурсы.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы в научной литературе все чаще встречаются типичные декларации: «Мы вступили в мир VUCA — нестабильный, неопределенный, сложный, неоднозначный (VUCA — аббревиатура от англ. volatility, uncertainty, complexity и ambiguity)»; «В мире VUCA невозможны даже кратковременные прогнозы»; «В мире VUCA прежние рабочие модели нельзя использовать»; «Проблема неопределенности сопряжена с понятием «хаос»» и т.п. На новые вызовы предлагаются и варианты ответов: «Трудно прогнозируемая динамика изменений современного мира требует обращения к понятиям VUCA-мир, VUCA-среда»; «особенности постиндустриального общества требуют от работников компетентности, креативности, гибкости, высокого уровня профессионализма»; «надежный прогноз предполагает оперирование понятиями VUCA-организация» (VUCA-субъект, VUCA-среда, VUCA-компетентность, VUCA-менталитет и т.п.).

И если 2500 лет назад нужно было быть выдающимся мыслителем, чтобы утверждать: «Все течет, все изменяется», - то в настоящее время, когда эти констатации многократно повторялись и подтверждались. Более продуктивным становится не констатация очевидного, а поиски причинно-следственных отношения социальных явлений, условий и форм воспроизводства их сущностных свойств. Далеко не очевидно, что человек и общество безвозвратно утрачивают или утратили свои сущностные

свойства (в том числе, определяющие их жизнеспособность в последние 50 000 лет), теряют все прежние составляющие их стабильности, надежности, «качественной определенности» (по Гегелю). Не очевидно, что человек и общество вступили во враждебное для них время и пространство (ими же созданное). Все, в чем и посредством чего зарождалась и развивалась жизнь на Земле — биологическая и социальная, свидетельствует, скорее, об обратном. Жизнь во всех ее проявлениях развивается в определенных сочетаниях стабильности и динамичности условий среды (в известном смысле непредсказуемости, неопределенности и даже не прогнозируемости), с одной стороны, с другой — жизнь поддерживает себя благодаря формированию механизмов (биологических, психологических, социальных) поддержания и регуляции баланса стабильности и динамичности условий внешней и внутренней среды.

К статусу аксиом относятся констатации тесных взаимодействий геофизических условий, образа жизни, физиологии людей и ландшафта, которые обычно хорошо согласованы (Вернадский, 2017; Гумилев, 1990; Лотман, 2002; Теория...2018; Чижевский, 1978; др.). Да, колебания климата, температуры, смены дня и ночи, времен года, периодические изменения активности Солнца, фаз Луны влияют на процессы жизни на земле и в океанах. Изменения океанических течений, приливы и отливы выступают частью факторов зарождения и развития жизни. Сочетания фаз изменений и стабильности формируют биологические ниши каждого ареала животных и биоценоз в целом. Именно в регионах с выраженными колебаниями физических условий в человеческих сообществах складывались более развитые общественные отношения, техногенные цивилизации, а социальные кризисы вели к развитию социальных институтов. Колебания условий среды, чередования определенности и неопределенности отличают не только функционирование и развитие отдельных людей, но и социальных групп — малых, средних, больших.

Если от всеобъемлющих утверждений ученых перейти к анализу и описаниям единичных случаев, приведем хорошо всем известные примеры жизнеспособности малых

групп. По утверждению Л.Н. Толстого, «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Похожи — значит, характеризуются чем-то сходным, единообразным, типичным, устойчивым, уравновешенным (не статичным и неизменным, но именно типичной эволюцией, т.е., предсказуемыми, рефлекслируемыми, субъективно принимаемыми изменениями). Именно это и отличает счастливые семьи от несчастливых. Еще раз обратим внимание и выделим: *«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Все смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме. Положение это продолжалось уже третий день и мучительно чувствовалось и самими супругами, и всеми членами семьи, и домочадцами»* (Толстой, 1982, с. 3; курсивом выделено мною — Т.В.). *«Неприятнее всего была та первая минута, когда он, вернувшись из театра, веселый и довольный... не нашел жены в гостиной... и наконец увидел ее в спальне ... с открытой все запиской в руке. Она, эта вечно озабоченная и хлопотливая, и недалекая, какою он считал ее, Долли, неподвижно сидела ... и с выражением ужаса, отчаяния и гнева смотрела на него»* (там же, с. 4). *«... Он не мог раскаиваться теперь в том, в чем он раскаивался когда-то шесть лет назад, когда он сделал первую неверность жене»* (там же, с. 5). *«Ответа не было, кроме общего ответа, который дает жизнь на все самые сложные и неразрешимые вопросы. Ответ этот: надо жить потребностями дня...»* (там же, с. 6).

Пожалуй, были все основания называть эту несчастливую семью миром *VUCA* — нестабильным, неопределенным в отдельные периоды, сложным всегда и чаще неоднозначным. Тем не менее «в доме Облонских» со временем — и даже очень скоро — все успокоилось, пришло в относительное равновесие (даже после самого серьезного инцидента в семейной жизни — супружеской измены). Служанку уволили (т.е., «предмет конфликта» был быстро устранен; оставались и другие варианты — не проживать в одном доме некоторое время и пр.). Инцидент остался в прошлом. Жизнь

продолжалась. Несмотря на сильные эмоциональные переживания, на готовность супругов к крайним поступкам, семья как социальная единица сохранилась, «устояла»; со временем сформировались новые установки супругов, их новые отношения к свершившемуся и к новым возможным ситуациям.

Из другого известного художественного исследования жизни и быта человека также можно вынести вывод, что каждая семья как социальная единица достаточно устойчива к действию разрушающих факторов. Семьи разрушаются, как правило, лишь после продолжительных периодов «флуктуации», когда разрушающие воздействия извне и изнутри уже ничем не уравниваются (как, например, в отношениях Натальи и Григория Мелихова, Аксиньи и Степана Астахова) (Шолохов, 2017). Ограничиваясь лишь ссылками на три случая — три вариантами эволюции «несчастливых семей», — признаем, что семья как социальная «единица» достаточно устойчива и «жизнеспособна» даже при нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности многих условий среды.

В проблеме жизнеспособности акцентируются ключевые аспекты взаимодействий человека и группы с миром, различаются более и менее стабильные ситуации, фазы, периоды. При их более выраженной динамике актуализируются и появляются новые механизмы адаптации отдельных людей и групп, в более «спокойных», стабильных, типичных ситуациях чаще не проявляющиеся (*проявляющиеся*). Следовательно, важно выделять и изучать эти новые ситуации, их определяющие условия.

Цель исследования: изучение феномена «жизнеспособность человека» и социальных групп в условиях определенности и неопределенности; *предмет:* социальные и психологические ресурсы жизнеспособности человека и социальных групп; *методы:* историко-теоретический анализ. В первом приближении рассмотрим социально-психологические, психологические и биологические механизмы (точнее, наблюдаемые эффекты), сопряженные с моментами стабильности и/или изменчивости,

предсказуемости (определенности) и/или неопределенности в жизнедеятельности человека.

АДАПТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГРУПП К СРЕДЕ: ФЕНОМЕНЫ, ТИПЫ

Среди факторов, наиболее весомо влияющих на адаптацию человека к *физической среде*, ученые называют конституцию. Несколько конституциональных типов определяются по сочетанию трех главных признаков (факторов): размеры тела (продольные, поперечные), доминирующий тип обмена веществ (массивность), реактивность, которые в совокупности определяют «вид реагирования» (Агаджанян и др., 1997; Казначеев, 1986; Собакин, 2004; Хаснулин, 2018; и др.). Медики и биологи выделяют три основных вида — два полярных и промежуточный. Первый из них характеризуется «способностью ...выдерживать воздействия *кратковременных и сильных* нагрузок, но неспособностью противостоять *длительно действующим слабым* раздражителям»; второй — противоположными свойствами — «способностью сохранять высокий уровень устойчивости при *длительном воздействии слабых* по силе раздражителей и крайней неустойчивостью перед *сильными кратковременно действующими* раздражителями»; промежуточный, третий — «способностью сочетать в своих реакциях на внешние раздражители не всегда дополняющие (чаще не дополняющие друг друга) черты реакций индивида, присущих первому и второму типу...» (Казначеев, 1986, с. 26; курсивом выделено мною — Т.В.).

Человеческая популяция как бы разделяет разные функции адаптации и типы жизнеспособности: представители одних групп лучше справляются с одним типом (паттерном) воздействий среды, другие индивиды — с другими типами. Таким образом, человеческие сообщества, объединенные совместной деятельностью, оказались способными освоить почти все гео-климатические зоны Земли. Первый блок-механизмов адаптации — анатомо-морфологические, биохимические и физиологические. Первый блок «реагирования» определяет темпоральные и энергетические

характеристики адаптации человека - быстроту приспособления к новым условиям физической среды, длительность функционирования без большого ущерба для его здоровья (от 3 до 20 лет и более). Второй блок формируют сочетания конституциональных особенностей с психологическими (личностными свойствами, в частности; в пермской научной школе такие сочетания называют «интегральная индивидуальность»). Третий блок составляющий также комплекс факторов, влияющих на адаптацию человека как *субъекта к профессиональной работе* в сложных условиях геофизической среды - сложнее и многообразнее. Но и в этих более сложных механизмах и интегральных эффектах, также выделяются несколько типов (Психология... 2018; Симонова, 2018, Толочек, 2013; 2020). К четвертому блоку отнесем механизмы адаптации человека к *социальной среде* (в широком смысле). Обобщая, выделим: адаптация человека к физической среде обеспечивается несколькими уровнями механизмов (биохимическими, физиологическими, психологическими, социальными); часть из них - комплексные механизмы, включающие в свой состав свойства разных иерархических уровней организации человека); высшие уровни устойчивости обеспечиваются социальной организацией людей. Ресурсы, поддерживающие механизмы адаптации, обеспечивающие жизнеспособность индивидов и групп, можно искать на «стыках» уровней организации человека и социальных групп.

Механизмы адаптации человека к социальной среде стали широко изучаться на рубеже XIX-XX ст. В этих поисках также доминирующими стали *типологические подходы* — выделение учеными - И.П. Павловым, Э. Кречмером, У. Шелдоном и др. - немногих типов адаптации. Изучение поведения человека в профессиональной сфере в середине минувшего столетия оформлялось как описание определенных *стилей деятельности* (см. работы Е.А. Климова, В.С. Мерлина, Е.П. Ильина, Б.А. Вяткина). Последовательное изучение отдельных аспектов поведения, деятельности, реагирования людей, восприятия и переработки ими информации также оформлялось как описание стилей (когнитивных, эмоциональных, психомоторных, саморегуляции и пр.), как

стратегий (поведения, совладания) (см. обзоры: Толочек, 2013, 2018, 2020). В исследованиях этого плана также проявились сходные механизмы адаптации человека и групп: осознанный или интуитивный учет индивидом своих биологически заданных особенностей; формирование психологических «надстроек» и «компенсаций»; выбор типа поведения и деятельности; частичная организация и реорганизация условий среды, так или иначе согласованная с совместной деятельностью других членов контактных групп; поддержка механизмов адаптации обеспечивается ресурсами на «стыках» разных уровней организации человека и социальных групп.

По-новому вопросы адаптации человека к социальной среде стали рассматриваться на рубеже XX-XXI веков. Ключевой темой поисков ответов на «вызовы» времени - нарастающие изменения в привычном укладе жизни — стали исследования изменений в сфере труда, межличностных отношений людей, образа жизни в целом. Так, в частности, отмечаются становление таких тенденций, как глобализация мира, сопряженная с усилением индивидуализации человека и атомизацией общества (Бек, 2020); становление кинематического общества, характеризующегося не только периодическими изменениями отдельных сторон жизни, но и ускорением всех изменений, в частности, приводящих к «бестерриториальности» человека, снижения способности к эмпатии, к «человеческой чувственности» (Virilio, 1999); разрушения временной стратегии поведения, сопряженной с будущим и ориентированной в будущее (Урри, 2019); расширением масштаба прекарной занятости - ненадёжности работы (job insecurity), (Демин, Демина, 2020; Дружилов, 2020; Стендинг, 2017; Тощенко, 2018; Kalleberg, 2011; Sverke, Hellgren, 2002; и др.); изменением соотношения труд/потребление, когда потребление может предшествовать труду, вследствие роста масштабов кредитования представителей разных слоев общества; возможностью быстрого обогащения (Демин, Демина, 2020; др.); погруженностью людей в «институционализованные риски», когда даже бытовые решения и действия человека могут «корректироваться» глобальными изменениями, затрагивать межличностные и

межгрупповые отношения людей, разрушать веру человека в его способность влиять на будущее (Нестик, Журавлев, 2018). Обобщая результаты исследований этого плана, можно констатировать усиление тенденций возрастания психологической дистанции между людьми, возрастание автономности их социального функционирования. Следовательно, ранее вовлекаемые ресурсы жизнеспособности человека и групп изменяются и сокращаются. Но, поскольку «жизнь не останавливается», вероятно, в процессах взаимодействия людей должны порождаться иные ресурсы, замещающие прежние.

Итак, последовательное изучение механизмов и эффектов адаптации человека и групп к физической и социальной среде показало, что представители одних типов лучше адаптируются к одним сочетаниям условий среды, экстремальных в т.ч., представители других типов — к другим. Примечательно следующее: 1) выделяются немного разных типов (2 — 5); 2), каждый тип представляет собой целостный механизм интеграции индивидуальных, личностных, субъектных особенностей человека; 3) есть границы оптимальных возможностей адаптации к определенным сочетаниям условий среды, границы, в которых сохраняются сформированные механизмы; 4) есть «предзаданность» типа - биологическая и психологическая предрасположенность человека в возможностях его адаптации к сочетанию определенных условий среды, к формированию определенного образа жизни).

Другими словами, в обратной формулировке можно сказать так: люди способны к адаптации к разным условиям среды (физической, социальной); но не к среде в целом, а лишь к части ее условий; всегда есть ограничения и возможности адаптации для каждого типа; жизнеспособность групп поддерживается небольшим числом разных типов адаптации (т.е., даже в малых социальных группах с высокой вероятностью встречаются представители разных типов); все виды социальной организации людей, их совместной деятельности повышают жизнеспособность индивидов и групп, способствуют порождению ресурсов, поддерживающих механизмы их жизнеспособности. К новым

условиям среды (как бы их не называли — *экстремальные, неопределенные, непрогнозируемые* и т.п.) люди способны адаптироваться, но посредством немногих типов (вариантов, стилей, стратегий) при распределении этих возможностей среди разных индивидов. Следовательно: а) каждый тип адаптации выступает «достаточным и необходимым» в известном интервале; б) успешность адаптации человека определяется сочетанием его разных свойств (индивидуальных, личностных, субъектных); в) устойчивость каждого типа адаптации определяется как эффективностью его собственных механизмов, так и социальной организацией людей; г) разные социальные организации могут порождать разные ресурсы, поддерживающие жизнеспособность отдельных индивидов и групп; е) разделенное изучение «ресурсов» жизнеспособности человека и групп (социальных, психологических, физических) должно принимать как условное, как первое приближение к пониманию их сущностных свойств.

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН: ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ

Зарождаясь в недрах естественных и технических дисциплин, исследования феномена «жизнеспособности» быстро приобретают статус «интердисциплинарной теории». Впервые в русскоязычном варианте термин «жизнеспособность» использовал А.А. Богданов в середине 1920-х годов при разработке общей теории систем; в психологии — Б.Г. Ананьев в 1960-х в концепции целостного изучения человека. С 1950-1960-х годов это понятие (и его эквиваленты) уже широко используют в кибернетике, в синергетике, при анализе эволюции социальных объектов; с 1980-х — в педагогике, психологии, биологии, медицине. В изучении разных технических, биологических, социальных систем актуальными становятся вопросы полноты их состава, оптимальности и адекватности их структур, устойчивости функционирования и др. К этому универсальному понятию с мощным эвристическим потенциалом с 1960-годов широко обращаются и в гуманитарных дисциплинах, в которых ученые детализируют как «жизнеспособность человека», «жизнеспособность семьи», «жизнеспособность профессионала» и т.п. Один из ведущих отечественных специалистов, А.В. Махнач,

поддерживая оценки истории изучения обсуждаемой проблемы жизнеспособности в психологии Э. Мастен и Э. Обрадович (Masten, Obradović, 2006), выделивших «четыре волны», добавляет и свои оценки истории, состояния и содержания современных исследований как «пятую волну» изучения этого феномена (Махнач, 2016).

Итак, «Первая волна» исследований была связана с определением черт жизнеспособного человека посредством феноменологического определения условий и защитных факторов, *способствующих развитию* ребенка. На этом этапе ...некоторые защитные факторы были описаны как внешние. Позже исследователи описали *три уровня защитных факторов* — индивид, семья и сообщество (школа, сверстники и т.п.)...изучение защитных факторов на этих трех уровнях...способствовало развитию теоретических оснований жизнеспособности. Концептуализация понятия .. происходила с пониманием того, что защитными являются факторы, формирующие компетентность родителей и, в связи с этим — компетентность детей» (Махнач, 2016, с. 81; здесь и далее курсивом выделено мною — Т.В.).

«Во времена *второй волны* изучения жизнеспособности проводилось в лонгитюдных экспериментах», в которых периодически проводились «оценки характеристик матерей, семейных условий и обстоятельств, родительских ожиданий в дородовой период матерей» (там же, с. 81). «В этот период прежнее рабочее понятие «неуязвимость» заменяется на более адекватное - «жизнеспособность» («resilience»). «Наряду с проблемами психического здоровья, асоциального поведения и других факторов уязвимости исследователи обратили внимание на потребности молодежи, находящейся в опасном социальном положении. Большинство молодых людей в этой когорте были успешны в решении своих проблем, выбирая существующие отношения между их родителями как модель для себя. ...их семьи и друзья оказывали им поддержку, выражали понимание и демонстрировали преемственность в передаче семейных ценностей и ценности образования, выбора профессии и социальных ожиданий общины от них» (там же, с. 83); «жизнеспособность человека рассматривалась как

результат ...двух процессов: разрушения — вследствие воздействия факторов риска и объединения ресурсов человека и его ближайшего окружения. Концептуализация понятия «жизнеспособность» определялась поиском факторов жизнеспособности в социальной среде, семье, индивидуальных особенностях человека и общественных и надобщественных институтах: морали, религии, государства» (там же, с.86). В плане успешности решения социальных задач отметим и типичную «статистику»: при достижении физической и социальной зрелости — к 18 годам, лишь каждого третьего молодого человека из обследованных когорт можно считать адаптированными, уверенными в себе (Masten, Obradović, 2006; Werner, Smith, 1992).

Важными особенностями третьего подхода в 1990-1995 годах — *«третьей волны»* - стали исследования ресурсов, *«оказывающих влияние на детей как группу. ... изучение жизнеспособности проводились на больших популяционных выборках»* - десятков и сотен тысяч молодых людей (студентов, школьников); *«...было выделено сорок факторов, которые респонденты назвали в числе особенно полезных для работы в будущем и оптимальных в жизни. Эти характеристики были сгруппированы в две категории: внешние факторы (получить поддержку, знать и проявлять свои границы, конструктивно использовать время) и внутренние факторы (честность, ответственность, целостность, социальная компетентность, чувство собственного достоинства, внутреннего локуса контроля и способность решать проблемы)»* (Махнач, 2016, с. 87). Доминанты этого этапа смещаются *«от поиска механизмов, которые помогают предотвращать риски, от изучения траектории развития ребенка, к тому, как наилучшим способом формировать ценные качества у ребенка и развивать их»*. *«Концептуализация понятия «жизнеспособность» происходила в русле поиска психологических ресурсов личности, социальных ресурсов общества, сопоставления роли индивидуальных и социальных ресурсов»* (там же, с. 90). Особенности *«четвертой волны»* - смещение акцентов в понимании *«жизнеспособности как артефакта, как индивидуальной способности идти по своему пути к ресурсам психологического здоровья человека и здоровья социума в*

контексте культуры. Жизнеспособность рассматривается как признак здорового и социально приемлемого функционирования человека...» (там же, с. 90). При концептуализации «жизнеспособности» выделяются понятия «надежда», «понимание себя», «поддерживающие отношения», «включение в социум», «совладающие механизмы» и «смысл жизни», «поведенческий потенциал».

К пятой волне исследований А.В. Махнач относит те, которые проводятся «в русле экологического подхода Ю. Бронфенбреннера»; в которых делается «акцент на экологическом подходе в изучении жизнеспособности»; в частности, реализуется «четырёхаспектная экологическая модель ...на отдельной возрастной группе (старшие подростки и молодые люди)»; у них сопоставляются влияния экономических, этнических факторов на представителей разных социальных групп, в частности, эмигрантов и неэмигрантов (там же, с. 90). В «пятой волне» акценты делаются «на широком социальном контексте, в который включены экономический и этнический факторы» и ключевыми вопросами выступают следующие: «...Какие составляющие адаптации наиболее подвержены влиянию кризиса? Является ли статус иммигранта дифференцирующим признаком большего влияния экономического кризиса на адаптацию детей? Одинаково ли усиливают контекстуальные или индивидуальные факторы адаптацию...» (Махнач, 2016, с. 91).

Итак, акцентируем и выделим примечательные особенности изучения феномена жизнеспособности на протяжении более полувека — с 1960-х годов по настоящее время. Первая волна как широко развернувшиеся исследования датируется с 1970-х годов; вторая — с конца 1970-середины 1980-х; третья — с середины 1980-началом 1990-х; четвертая — 1990-е- 2000-е; пятая — с 2000-х. Т.е., хронологически разработка актуальных вопросов протекала как формулирование типовых задач исследования; временные лаги волн составляли около 10 лет; периодически изменялись научные приоритеты. Содержательно все волны проявлялись как учет множества разнородных условий социальной среды (выделялись десятки факторов), так или иначе

воздействующих и способных воздействовать на человека (точнее, матери и ребенка, подростка, молодого человека); «стартовой позицией» изучения феномена часто становились состояния женщины-матери (в период беременности и после рождения ребенка), чаще обследуемыми выступали представители малообеспеченных слоев населения и эмигранты. В продолжительных лонгитюдных исследованиях на больших выборках выделялись множества условий внешней и «внутренней» среды человека, влияющих на его жизнеспособность; далее, на последующих этапах («волнах») рассматривались механизмы проявления феномена; предметом становились относительно небольшие гомогенные группы, данные их обследования сопоставлялись. Логика системного подхода побуждала изучения жизнеспособности человека в ее естественной «полноте» развития и функционирования; наиболее подходящей концепцией признается теория Ю. Бронфенбреннера (Bronfenbrenner, 1979).

ФЕНОМЕН «ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ»: ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ

Как история становления исследований, так и их типичный объект уже предопределяли особенности научных подходов, их идеологию и методологию, получаемые результаты. Основными и «сквозными» избирались вопросы «нормального» развития и жизни людей в «нормальной» же социальной среде (при широком диапазоне вариаций ее условий). За позитивные эффекты принимались даже сравнительно редкие успешные варианты (например, порядка одной трети молодых людей, ведущих просоциальный образ жизни); обычный уровень социализации — человек работает, имеет семью, детей; он следует просоциальному образу жизни близких (родителей, родственников, друзей) как модели поведения.

Даже при беглом обзоре основных тем исследований отечественных ученых можно видеть приверженность тем же «канонам» при ожидаемом расширении сфер «преломления» жизнеспособности, в трудовой, в том числе (Дикая и др., 2018; Махнач, 2016; Лактионова, 2017; Постылякова, 2010); вовлечении в анализ новых понятий

(ресурсы, ценности, духовность, саморегуляция, самоэффективность и т.п.). Но и в последних случаях по-прежнему чаще внимание ученых акцентируется на процессах, траекториях, состояниях жизнедеятельности человека на границе социальной «нормы» (приемные семьи, вынужденные эмигранты, неработающая молодежь) или «выпадения из нормы» - ситуациях вынужденной безработицы, ненадежной работы и т.п. В дополнение к предложенным зарубежными учеными методологическим подходам (постпозитивистским, и конструкционистским и др.) отечественные ученые также формируют и предлагают целостные, концептуально завершенные подходы — структурно-динамический (А.В. Махнач), метасистемный (А.И. Лактионова), интегративный (Е.А. Рыльская), синергетический (С.В. Котовская) и др. (Жизнеспособность..., 2016) Эти тенденции отражают компетентность наших коллег, адекватность проводимого ими анализа достоинств и ограничений ранее предложенных методологий; специалисты признают еще сохраняющуюся нечеткость и размытость понятий, используемых для описания феномена.

В этой связи приведем типичные описания и характеристики феномена, отражающие определившиеся рамки парадигмы жизнеспособности, основания которой были заложены в середине XX ст.: *«способность ... хорошо развиваться вопреки дестабилизирующим событиям, трудным условиям жизни и серьезным травмам», «улучшение», «позитивная адаптация», «позитивное развитие», «сохранение», «возврат к норме», «оптимальное состояние», «достижение хорошего результата», «установление оптимального соответствия личности и окружающей среды», «поддержание человеческой жизни», «рост», «возвращения к нормальной траектории развития», «стабильность»* и т.п. В тех работах, в которых внимание ученых концентрируется на конкретных травмирующих событиях типичными выступают факты дискретности перехода в новое психофизиологическое состояние (т.е., однофазность перехода: было нечто «до» и возможно формирование «после»): *«психологическое благополучие», «социальное благополучие», «благополучие в отношениях», «посттравматический рост», «стресс-*

индуцированный рост», «позитивные психологические изменения», «повышение ценности жизни и изменение приоритетов», «изменения духовного плана», «диалектика "жизнь — травма"» и т.п.

Обобщая типичные характеристики, жизнеспособность понимается как: 1) оптимальность; 2) соответствие норме (психической, биологической, социальной); 3) улучшение; 4) однофазность перехода к новому уровню функционирования (психического, биологического, социального). По существу, учеными чаще рассматривается осознанный выбор человеком варианта жизни («быть или не быть?») и следование ему в последующем. Менее изученными остаются процессы, условия, «контексты», психологические и социальные механизмы, побуждающие человека к выбору лучшей организации своей жизни, согласно принятым «нормам».

Если главным в сложившихся подходах были ответы при решении вопроса: жить по сценарию «А» или «В», то должно признать, что далеко не все схватывается понятиями «хорошо», «рост», «сохранение», «повышение» и т.п. Тема «восхождения» человека к вершинам физической и духовной зрелости, к более высокому уровню социального функционирования в проблематике жизнеспособности до настоящего времени сохраняет статус *«terra incognita»*. Тема движения человека в неизведанное, ненадежное, не гарантированное, не подкрепленное опытом и одобрением близких людей; его движения в социальные и психологические пространства и время, которые и характеризуются понятием *«неопределенность»*, все еще остается в области неосвоенного и «недоступного».

Просматривая задачи дальнейших исследований (как вероятной *«шестой волны»*, *«седьмой»* и т.п.) можно ожидать, что новыми предметами станут *процессуальные аспекты* становления феномена «жизнеспособность» у отдельных людей и групп; изменения *опорных компонентов* на протяжении всей жизни людей; *изменения структуры ресурсов* жизнеспособности у представителей разных социальных групп, при переходе человека из одной группы в другую.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласимся с авторами, констатирующим: возрастающую динамичность изменений социальных объектов в современном мире можно и нужно описывать посредством таких понятий, как неустойчивость, нестабильность, неопределенность, сложность, неоднозначность и т.п.; что такие изменения нужно сопоставлять с уже известным, типологизировать и описывать выразительными аббревиатурами (VUCA-мира, VUCA-среды и т.п.); нужно выявлять и классифицировать следствия таких изменений: становление новых требований к субъекту труда как новой нормы — адаптивности, обучаемости, компетентности, креативности, гибкости и т.п. Но тривиальные констатации характеристик нового, новейшего, будущего мира и одновременно - упрощение всего прошлого, равно как и недооценка накопленного научного знания, прямое заимствование новых понятий при сохранении бинарного мышления (или/ или; плохо/ хорошо, порядок/ хаос, предсказуемость/ непредсказуемость, определенность/ неопределенность) не продуктивны. Видение и обсуждение лишь двух жестких альтернативных состояний и перспектив эволюции социальных объектов едва ли эвристичны. Ускорение исторического развития человечества предполагает обращение к более развитым методологиям и понятийному аппарату (не отвергая, а опираясь на ранее накопленное знание; его осмысление и интеграцию в новые координаты описания мира, которые еще предстоит выделить и обосновать).

Простые модуляции понятий и их «клонирование» (жизнеспособность профессионала, профессиональное благополучие и т.п.), скорее, малопродуктивны. Обращение к предельно широкому понятию «профессионал» лишь обозначают новую и мало разработанную сферу в контексте обсуждаемой проблемы, направление поисков, но еще не выделяет ключевых аспектов феномена. На этом пути могут быть и ложные траектории движения. Так, по нашему мнению, актуальная и сложная проблема явно неудачно определяется понятием «профессиональное благополучие». Ближайшие

ассоциации этого понятия — психологический комфорт, удовлетворенность и/или самоудовлетворенность, высокая самооценка, отсутствие личностных и профессиональных кризисов, а, следовательно, роста и развития. Но многие ли из нас хотели бы лечиться у самоудовлетворенного врача, внимать оценкам самоудовлетворенного аналитика, читать стихи самоудовлетворенного поэта, слушать музыку самоудовлетворенного композитора, смотреть фильмы самоудовлетворенного режиссера, в целом — жить в обществе, которым управляют самоудовлетворенные государственные служащие — от специалиста до Президента?

Согласимся, что понятие жизнеспособности становится «надтеоретическим метаконструктом» (Махнач, 2016), широко используемым для освещения множества действительно взаимосвязанных аспектов разных социальных, социально-психологически и психологических явлений. Как перспективы дальнейших исследований жизнеспособности учеными обозначаются вопросы изучения на новых популяциях, генезиса жизнеспособности в предельно широком временном интервале, выход в новые сферы жизнедеятельности (трудовой, прежде всего), обращение к новым объектам (организации, рабочие и спонтанно формирующиеся группы), разработка и коррекции методологии и понятийного аппарата. Выделим еще один проблемный узел — тему ресурсов (см. обзоры: Толочек, 2013, 2018). Здесь все еще сохраняется описание ресурсов в их разделенности и распределенности (как социальных, психологических, физических и прочих с их возможными детализациями). Признавая неизбежность аналитичности описания как первое приближение к пониманию сущностных свойств «ресурсов», признаем и необходимость к переходу к познанию целого — исторической эволюции отношений человека с миром.

Отдельный класс проблем — тема определенности / неопределенности, стабильности / динамичности условий физической и социальной среды. Скорее, такая постановка вопроса есть следствие «бинарного мышления»; в действительности имеют место более или менее выраженная динамика изменений условий среды (окружения),

чаще — их флуктуация в определенных границах. Соответственно, адаптация человека к физической и социальной среде обеспечивается несколькими уровнями механизмов адаптации (биохимическими, физиологическими, психологическими, социально-психологическими, социальными); часть из них комплексные, включают в свой состав свойства нескольких уровней. Разделенное изучение трех-пяти десятков «ресурсов» жизнеспособности человека и групп (социальных, психологических, физических) должно принимать как условное, как первое приближение к пониманию их сущностных свойств; следующий этап — изучение структур, типовых паттернов ресурсов жизнеспособности представителей разных социальных групп и групп как социальных «единиц».

ЛИТЕРАТУРА

- Агаджанян Н. А., Георгиева С. А., Гладилин Г. П.* Влияние вахтового и экспедиционно-вахтового метода трудовой деятельности на гомеостатическую функцию организма // Физиология человека. 1997. Т. 23., № 3, С. 103 — 107.
- Ананенков А. Г., Собакин А. К.* Социальные аспекты технического регулирования вахтового метода работы в условиях Крайнего Севера. М.: Недра, 2005. 256 с.
- Асеев В. Г.* Значимость и временная стратегия поведения // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 6. С. 28—37.
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 324 с.
- Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 256 с.
- Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012. 576 с.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 526 с.
- Демин А. Н., Демина И. В.* Проблема адаптации человека к скорости социальных процессов // Человеческий капитал. 2020. № 10 (142). С. 80-88. DOI: 10.25629/НС.2020.10.05.
- Дикая Л. Г., Махнач А. В., Лактионова А. И.* Индивидуальные и социально психологические факторы жизнеспособности профессионала // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XV. Вып. 4, 2018. С. 137 — 146.
- Дружилов С. А.* Влияние гибкости занятости на сферу труда и профессиональной деятельности: феномен, концепции, «вызовы» и возможности //

Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 1. С. 32–60.

Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 256 с.

Казначеев В. П., Казначеев С. В. Адаптация и конституция человека. Новосибирск: Наука, 1986. 120 с.

Лактионова А. И. Структурно-уровневый анализ феномена жизнеспособности человека // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 4. С.106-133.

Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство-СПб», 2002. 768 с.

Махнач А. В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138.

Постылякова, Ю.В. Ресурсный потенциал субъекта профессиональной деятельности // Социальная психология труда: теория и практика Т. 1 / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М. : Институт психологии РАН, 2010. С. 226–243.

Психология субъекта жизнедеятельности на Европейском Севере и в Арктике / Под общ. ред. М.В. Кореховой, Я.А. Корнеевой.- Архангельск: Изд-во «РАО», 2018. – 255 с.

Сеннетт Р. Коррозия характера. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2004. 324 с.

Симонова Н. Н. Адаптация к работе вахтовым методом в экстремальных условиях Крайнего Севера.- Архангельск: ИД САФУ, 2014. 196 с.

Собакин А.К. Работоспособность вахтового персонала газовых промыслов в экстремальных экологических условиях Севера : автореферат дис. ... кандидата биологических наук : 03.00.16, 03.00.13 / Новосиб. гос. аграр. ун-т. - Новосибирск, 2004. 29 с.

Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинал Пресс, 2014. 328 с.

Теория культуры: Учебное пособие. / Под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. СПб.: Питер, 2010. 592 с.

- Толочек В. А.* Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 320 с.
- Толочек, В. А.* Феномен "ресурсы": топос и хронос в актуализации условий внешней среды как ресурсов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. № 3. С. 250-260. DOI 10.18500/2304-9790-2018-7-3-2.
- Толочек В. А.* Психология труда. СПб.: Питер, 2020. 480 с.
- Толстой Л. Н.* Анна Каренина. Ч. 1-4.- Л.: Художественная литература, 1982. 445 с.
- Тощенко Ж. Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография. М.: Наука, 2018. 224 с.
- Урри Д.* Как выглядит будущее? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 321 с.
- Хаснулин В. И.* Введение в полярную медицину. Новосибирск: СО РАМН, 2018. 337 с.
- Чижевский А. Л.* Земное эхо солнечных бурь. М.: Наука, 1973. -288 С.
- Шолохов М. А.* Тихий Дон.- М.: Азбука-Аттикус, 2017. 547 с.
- Bronfenbrenner, U.* The ecology of human development. Cambridge : Harvard University Press, 1979. 330 p.
- Masten A. S., & Obradovic, J.* Competence and resilience in development. Annals of the New York Academy of Sciences, 2006. 1094, 13–27. <https://doi.org/10.1196/annals.1376.003>.
- Kalleberg A. L.* Good jobs, bad jobs: The rise of polarized and precarious employment systems in the United States, 1970s–2000s. New York: Russell Sage Foundation, 2011. 356 p.
- Sverke M. and Hellgren, J.* The Nature of Job Insecurity: Understanding Employment Uncertainty on the Brink of a New Millennium. Applied Psychology: An International Review, 51(1), 23–42. <https://doi.org/10.1111/1464-0597.0077z>.
- Virilio, P., & Camiller, P.* (2000). Indirect light: extracted from polar inertia. In J. Armitage (Ed.) Paul Virilio: From modernism to hypermodernism and beyond. SAGE Publications Ltd, 2000. pp. 57-70. <https://www.doi.org/10.4135/9781446218242.n3>.

Werner E. E., Smith R. S. Overcoming the odds: High risk children from birth to adulthood.
Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2021. Статья опубликована: 30.06.2021.

THE PHENOMENON OF "RESILIENCE": POSSIBLE RESEARCH PROSPECTS

© 2021 Vladimir A. Tolochek*

** Doctor of Sciences (Psychology), Leading researcher;
Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow
E-mail: tolochekva@mail.ru*

Purpose: to study the phenomenon of "resilience" of a person and social groups in conditions of certainty and uncertainty; subject: social and psychological resources of human resilience and social groups; methods: historical and theoretical analysis. The materials of the study of the problem of resilience in foreign and domestic psychology from the 1960s to the present are discussed. The features of historically emerging approaches (five "waves"), the subject and typical tasks of studies of resilience, studies of the mechanisms and types of human adaptation to the physical and social environment are analyzed. It is stated that within the boundaries of historically formed paradigms, two states of a person are considered - "norm" and "below the norm" of social, psychological, physical functioning, the characteristics of which are described by such concepts as "improvement", "positive adaptation", "preservation", "return to the norm", "optimal state", "*achieving* a good result", etc.; as a rule, resilience is considered as the achievement and maintenance of a kind of "social homeostasis" by a person, focusing on the prosocial models of behavior of others, reproducing such models. Considering the "open questions" of the problem and possible tasks for further research, the methodology, conceptual apparatus, social, psychological, biological mechanisms, observed effects associated with moments of stability and variability, predictability, certainty and uncertainty of the conditions of human life and social groups are discussed, it is summarized that topical tasks of further research can be called the study of the genesis of vitality in a wider time (from birth to deep old age) and social interval (advancement in several social hierarchical positions); entering new spheres of life (labor, first of all); addressing new objects (organizations, working groups, project teams, teams, etc.), development and correction of methodology and conceptual apparatus.

Key words: resilience, person, social groups, conditions, changes, preservation, certainty / uncertainty, conditions, resources.

REFERENCES

- Agadzhanian, N. A., Georgieva, S. A., Gladilin, G. P. (1997). Vliyaniye vakhtovogo i ekspeditsionno-vakhtovogo metoda trudovoy deyatel'nosti na gomeosticheskiy funktsiyu organizma [Influence of the rotational and expeditionary-rotational method of labor activity on the body's homeostatic function]. *Fiziologiya Cheloveka [Human Physiology]*, 23, 3, 103–107 (in Russian).
- Ananenkov, A. G., Sobakin, A. K. (2005). *Sotsial'nyye Aspekty Tekhnicheskogo Regulirovaniya Vakhtovogo Metoda Raboty v Usloviyakh Kraynego Severa [Social Aspects of Technical Regulation of the Rotational Work Method in the Far North]* Moscow: Nedra Publ. (in Russian).
- Aseev, V. G. (1981). Znachimost' i vremennaya strategiya povedeniya [Significance and temporary strategy of behavior]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2, 6, 28–37 (in Russian).
- Beck, W. (2000). *Obshchestvo Riska. Na Puti k Drugomu Modern [Risk Society. On the Way to Another Modernity]* Moscow: Progress Tradition Publ (in Russian).
- Baudrillard, J. (2001). *Sistema Veshchey [System of Things]*. Moscow: Rudomino Publ (in Russian).
- Bronfenbrenner, U. (1979). *The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Chizhevsky A. L. (1973). *Zemnoye Ekho Solnechnykh Bur' [Terrestrial Echoes of Solar Storms]*. Moscow: Science (in Russian).
- Demin, A. N., Demina, I. V. (2020). Problema adaptatsii cheloveka k skorosti sotsial'nykh protsessov [The problem of human adaptation to the speed of social processes]. *Chelovecheskiy Kapital [Human capital]*, 10 (142), 80-88 (in Russian). DOI:10.25629/HC.2020.10.05
- Dikaya, L. G., Makhnach, A. V., Laktionova, A. I. (2018) Individual'nyye i sotsial'no psikhologicheskiye faktory zhiznesposobnosti professionala [Individual and socio psychological factors of professional vitality]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki na Dal'nem Vostoke. [Social and Human Sciences in the Far East]*. XV(4), 137 – 146 (in Russian).
- Druzhilov, S. A. (2020). Vliyaniye fleksibil'nosti zanyatosti na sferu truda i professional'noy deyatel'nosti: fenomen, kontseptsii, «vyzovy» i vozmozhnosti [Influence of employment flexibility on the sphere of labor and professional activity: phenomenon, concepts, “challenges” and opportunities]. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk.*

- Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology]*, 5, 1, 32–60 (in Russian).
- Gumilev, L. N. (1990). *Etnogenez i Biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]*/Leningrad: Gidrometeoizdat Publ (in Russian).
- Ikonnikova, S. N., Bolshakova V. P. (Eds). (2010). *Teoriya Kul'tury [Theory of Culture]*. Saint. Petersburg: Piter (in Russian).
- Kalleberg A. L. (2011). *Good jobs, bad jobs: The rise of polarized and precarious employment systems in the United States, 1970s–2000s*. New York: Russell Sage Foundation.
- Kaznacheev, V. P., Kaznacheev, S. V. (1986). *Adaptatsiya i Konstitutsiya Cheloveka [Adaptation and Human Constitution]*. Novosibirsk: Nauka Publ.
- Khasnulin V.I. (2018). *Vvedeniye v Polyarnuyu Meditsinu [Introduction to Polar Medicine]* Novosibirsk: SO RAMS (in Russian).
- Korekhovoy, M. V., Korneyevoy Ya. A. (Eds). (2018). *Psikhologiya Sub'yekta Zhiznedeyatel'nosti na Yevropeyskom Severe i v Arktike [Psychology of the Subject of Life in the European North and in the Arctic]*. Arkhangelsk: «RAO» Publ. (in Russian).
- Laktionova, A. I. (2017). Strukturno-urovnevyy`j analiz fenomena zhiznesposobnosti cheloveka [Structural-level analysis of the phenomenon of human vitality]. *Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]*. 2 (4), 106-133 (in Russian).
- Lotman, Yu. M. (2002). *Istoriya i Tipologiya Russkoy Kul'tury [History and Typology of Russian Culture]*. Sankt-Petersburg: Art-SPb Publ. (in Russian).
- Makhnach, A. V. (2016). *Zhiznesposobnost' Cheloveka i Sem'i: Sotsial'no-Psikhologicheskaya Paradigma [Human and Family Vitality: Socio-Psychological Paradigm]*. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ. (in Russian).
- Makhnach, A. V., Dikaya, L. G. (2016). *Zhiznesposobnost' Cheloveka: Individual'nyye, Professional'nyye i Sotsial'nyye Aspekty [Human Vitality: Individual, Professional and Social Aspects]*. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ. (in Russian).

- Masten, A. S., & Obradovic, J. (2006). Competence and resilience in development. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1094, 13–27. <https://doi.org/10.1196/annals.1376.003>.
- Nestik, T. A., Zhuravlev, A. L. (2018). Otnosheniye k global'nym riskam: sotsial'no-psikhologicheskiiy analiz [Attitude towards global risks: socio-psychological analysis]. *Psikhologicheskiiy Zhurnal [Psychological Journal]*, 39, 1, 127–138 (in Russian).
- Postylyakova, Yu. V. (2010). Resursnyy potentsial sub'yekta professional'noy deyatel'nosti [Resource potential of the subject of professional activity]. *Sotsial'naya Psikhologiya Truda: Teoriya i Praktika T. 1 [Social Psychology of Labor: Theory and Practice T. 1]*. Eds. L.G. Dikaya, A.L. Zhuravlev. Moscow: Institute of Psychology RAS, 226–243 (in Russian).
- Sennett R. (2004). *Korroziya Kharaktera [Character Corrosion]*. Novosibirsk: FSPI "Trends" (in Russian).
- Sholokhov M.A. (2017). *Tikhii Don [Quiet Don]*. Moscow: Azbuga-Atticus (in Russian).
- Simonova N. N. (2014). *Adaptatsiya k Rabote Vakhtovym Metodom v Ekstremal'nykh Usloviyakh Kraynego Severa [Adaptation to Work on a Rotational Basis in Extreme Conditions of the Far North]* Arkhangelsk: ID NArFU (in Russian).
- Sobakin A.K. (2004). Rabotosposobnost' Vakhtovogo Personala Gazovykh Promyslov v Ekstremal'nykh Usloviyakh Severa [Efficiency of Shift Personnel in Gas Fields in Extreme Conditions of the North.]. *Extended abstract of candidate's thesis.*. Moscow (in Russian).
- Standing G. (2014). *Prekariat: Novyy Opasnyy Klass [Precariat: a New Dangerous Class]* Moscow: Ad Marginal Press.
- Sverke, M., & Hellgren, J. (2002). The nature of job insecurity: Understanding employment uncertainty on the brink of a new millennium. *Applied Psychology: An International Review*, 51(1), 23–42. <https://doi.org/10.1111/1464-0597.0077z>.
- Tolochek V. A. (2013). *Problema Stiley v Psikhologii: Istoriko-Teoreticheskiy Analiz [The Problem of Styles in Psychology: Historical and Theoretical Analysis]*. Moscow: Institute of Psychology RAS (in Russian).
- Tolochek V. A. (2018). Fenomen «resursy»: topos i khronos v aktualizatsii usloviy vneshney sredy kak resursov [The phenomenon of "resources": topos and chronos in the actualization of environmental conditions as resources]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya serija. Serija: Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya [Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Acmeology of Education.*

Developmental psychology]. 7(3) (in Russian). 250-260. DOI 10.18500/2304-9790-2018-7-3-2.

Tolochek V. A. (2019). *Psikhologiya Truda [Labor Psychology]*. Saint. Petersburg: Piter (in Russian).

Tolstoy L. N. (1982) *Anna Karenina [Anna Karenina]*. Leningrad: Fiction, (in Russian).

Toshchenko Zh.T. (2018). *Prekariat: ot Protoklassa k Novomu Klassu. Monografiya [Precaria: from Protopclass to a New Class. Monograph]*. Moscow: Science (in Russian)..

Urri D. (2019). *Kak Yyglyadit Budushcheye? [What Does the Future Look Like]*. Moscow: «Delo» Publ. RANEPА (in Russian)..

Vernadsky, V.I. (2012). *Biosfera i Noosfera [Biosphere and Noosphere]*. Moscow: Ayris Press Publ (in Russian).

Virilio, P., & Camiller, P. (2000). Indirect light: extracted from polar inertia. In J. Armitage (Ed.), *Paul Virilio: From modernism to hypermodernism and beyond* (pp. 57-70). SAGE Publications Ltd, <https://www.doi.org/10.4135/9781446218242.n3>.

Werner, E. E., & Smith, R. S. (1992). *Overcoming the Odds: High Risk Children from Birth to Adulthood*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

The article was received: 28.04.2021. Статья опубликована: 30.06.2021.

Библиографическая ссылка на статью:

Толочек В. А. Феномен «жизнеспособность»: возможные перспективы исследования // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 2. С. 21 – 46. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2021_19_2_002.

Tolochek, V. A. (2021) Fenomen «zhiznesposobnost'»: vozmozhnye perspektivy issledovaniya [The phenomenon of "resilience": possible research prospects]. Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor], 6 (2), 21 – 46. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2021_19_2_002.

Адрес ссылки:

<http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document664.pdf>